

На правах рукописи

Пашкова Татьяна Владимировна

Народные названия болезней в карельском языке

*Специальность 10 02.22 – Языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки
и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

02 ОКТ 2008

Петрозаводск
2008

Работа выполнена на кафедре карельского и вепсского языков факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Зайков Петр Мефодьевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Зайцева Нина Григорьевна,
кандидат филологических наук
Жаринова Ольга Михайловна

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра
Уральского отделения РАН

Защита состоится 22 октября 2008 года в 16 часов на заседании диссертационного совета КМ 212.190.05 по присуждению учёной степени кандидата филологических наук в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет» по адресу: 185910, г. Петрозаводск, ул. «Правды», д. 1, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет».

Автореферат разослан «17» сентября 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н. М. Гилюева

В народной медицине сложились свои, «простонародные», названия болезней, но по мере интенсивного развития науки усваиваются и входят в массовое употребление научные термины. Постепенное вытеснение из обихода устаревших понятий – вообще характерное для бытования языка явление. Однако многие из старинных терминов сохранились до сих пор; звучат они уже непривычно, отчужденно, архаично. Имеется и ещё одно очень важное обстоятельство: народная медицина, в связи с исторически обусловленным несовершенством её диагностики, часто оперирует широкими, подчас расплывчатыми понятиями (pahku ‘опухоль’, lihoradku ‘лихорадка’ и др.), определяющими, в сущности, лишь ведущие признаки самых различных по происхождению заболеваний, которые в научной медицине разделены на группы.

В основе народной классификации болезней лежат почти исключительно их симптомы и отчасти те причины, которыми, с точки зрения людей, обусловливается их происхождение. Благодаря этому группировка болезней и сами их названия получают в высшей степени неопределённый и общий характер, очень часто объединяя заболевания, по своему существу совершенно разнородные. Нередко выяснить по народно-медицинским названиям, какие конкретно заболевания имеются в виду, можно лишь приблизительно. Собственно, такое выяснение – это уже задача научной медицины, которая, издавна вбирая в свой арсенал лучшее из народной практики, дает ему свое толкование и свои термины.

Актуальность темы определяется необходимостью системного изучения лексики карельского языка. Народные названия болезней в карельском языке до настоящего времени не подвергались специальному исследованию. Тематические и этнографические исследования позволяют наилучшим образом раскрыть лексические особенности языка, выявить его внутреннее богатство и структурную многогранность, дополнить отдельные лингвистические дисциплины новыми данными.

Цели и задачи исследования. Целью данного исследования является наиболее полное описание одной из лексико-семантических групп карельского языка – народных названий болезней. Данная цель предполагает **решение ряда задач:**

— идентификацию и систематизацию народных названий болезней, собранных из различных источников;

— обобщение представленных в различных источниках этимологий относительно происхождения того или иного народного названия болезни;

— определение основных принципов номинации карельских народных названий болезней, выявление случаев семантических изменений;

— установление наиболее типичных словообразовательных моделей.

Предметом настоящего исследования является лексика карельского языка, а именно народные названия болезней в карельском языке.

Методы исследования. Решение поставленных в исследовании задач проводилось с применением сопоставительного, сравнительно-исторического и этнолингвистического методов. В работе представлены диалектные варианты народных названий болезней в карельском языке, а также соответствия в прибалтийско-финских и финно-угорских языках, что позволяет сделать выводы сравнительно-исторического характера. В работе использован также сравнительно-сопоставительный метод. При определении происхождения той или иной лексемы принимались во внимание данные неродственных языков.

Теоретической и методологической основой работы явились труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные вопросам описательной и исторической лексикологии прибалтийско-финских и финно-угорских языков и этнолингвистики.

Материал для исследования. Объектом анализа являются 114 народных названия болезней, извлеченных из словарей карельского языка, образцов карельской речи, фольклорных произведений и этнографических исследований. Кроме того, в диссертации использован материал, собранный автором в полевых условиях в период 2005 – 2007 гг.

Научная новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые осуществлено комплексное исследование отдельной лексико-семантической группы карельского языка, а именно народных названий болезней. Проведена классификация народных названий болезней рассматриваемого языка по признакам, лежащим в основе их номинации; рассмотрены словообразовательные модели в составе лексики народной медицины в карельском языке.

Теоретическое и практическое значение работы. Системное описание народных названий болезней, сравниваемых с названиями в близкородственных языках, позволяет углубить знания о лексике карельского языка в целом. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании университетских курсов карельского языка, при чтении теоретических курсов лексикологии, истории и диалектологии карельского языка.

Апробация работы. Основные положения и результаты работы были изложены в двух докладах на республиканских и международных конференциях, а также в четырёх научных статьях.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, приложений, принятых сокращений и регистра народных названий болезней.

Общий объем работы составляет 167 страниц компьютерного текста

Содержание работы и результаты исследования

В предисловии обосновывается выбор темы, её актуальность, определяются цели и задачи, научная новизна, практическая и теоретическая значимость, указываются методы исследования, сообщается об апробации основных результатов.

Введение представляет собой обзор литературы и характеристику источников диссертационного исследования. Проведенный анализ позволяет сказать о том, что проблема, которой посвящена данная работа, не служила ранее предметом специального исследования.

Народные названия болезней в прибалтийско-финских языках изучены довольно слабо. М.-Л. Хейкинмяки в одной из своих статей исследует происхождение финских и карельских названий болезней цыпки и веснушки с точки зрения так называемой «народной этимологии» (т. е. верований людей)¹.

А. Тюнни рассматривает историю происхождения сочетаний *ns~sn* в середине лексем *känsä~käsna* ‘бородавка’².

Семантический анализ лексем *torra*, *čakka*, *retu*, *raiska*, *netta*, *rikki*, *šeiğa* в карельском, финском и других прибалтийско-финских и финно-угорских языках проводит Р. Е. Нирви³. Каждая словарная статья ориентирована на раскрытие всех значений и происхождения определённой лексемы (в том числе и в составе сложных слов) в наречиях карельского языка, в диалектах финского и эстонского языков, в саамском и коми языках и др.

М. Лянсимяки характеризует все варианты финских названий болезни ‘эпилепсия’ (сложные слова, заимствования, отглагольные существительные, словосочетания), напр. *epilepsia*, *kaatumatauti*, *lankeavatauti*, *ryörtyvätauti*, *pahanlyötävä tauti*, *virtmatauti* и др.⁴ Аналогичные по звучанию и происхождению лексемы используются и в карельском языке (напр., *pahatauti*, *langiejutaudi*), что делает эту статью ценным источником для нашего исследования.

¹ Heikinmäki M.-L. Varissaappaat ja teerenpilkut (Muuttolintujen pilauksesta) // *Virittjä* 1976. № 5. S. 459–479.

² Tynni A. *Känsä~käsna* sana suomen murteissa // *Virittjä* 1934. S. 267–269.

³ Nirvi R. E. Eraistä likaa ja rikkaa merkitsevien sanojen kayttotavoista // *Virittjä*, 1950 S. 398–424.

⁴ Lansimäki M. Kun paha pieksaa ja ihminen kuoleskelee (epilepsian kansanomaiset nimitykset) // *Kielen kannoilla / Toim. R. Pitkänen, H. Suni, S. Tanner Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1996. S. 202–212*

Проблема народных названий болезней в эстонском языке затрагивается В. Шамардиным⁵. Автор уделяет внимание таким болезням, как ревматизм, тиф, бронхит, трахома, скарлатина, сифилис, дизентерия, коклюш, чесотка, и приходит к выводу, что в основе большинства народных названий болезней лежит их симптом.

Названия болезней в финском языке, способы лечения заболеваний, историю появления и развития народной медицины исследует А. Форсиус в сборнике «Очерки об истории медицины»⁶. Каждая статья сборника представляет собой характеристику определённого заболевания или целой группы болезней. Например, в статье «Болезни от дьявола и их лечение» рассматриваются заболевания, которые, по верованию финнов, посылаются на человека силами зла (эпилепсия, психическое расстройство, сильный испуг и др.), и способы их лечения (обереги, знахарство, магические действия). Статья «Проблема наименования болезней» посвящена вопросу возникновения некоторых финских названий болезней в сравнении с английскими, французскими, немецкими. Большинство статей ориентированы на раскрытие какого-либо одного заболевания (сначала даётся этимологическая характеристика народного названия болезни, затем причины появления заболевания и способы лечения), напр. «История болезни грипп», «Коклюш», «Оспа», «Скарлатина», «Ночница», «Рахит».

В первой главе «Мотивационные признаки номинации народных названий болезней в карельском языке» излагаются теоретические предпосылки исследования: рассматриваются основные положения теории номинации, механизмы и типы языковой номинации.

История мышления народа отражена в его языке. Именно в языке и через язык дано нам всё богатство народных знаний, верований и представлений. Моделирование эволюции знания для каждой семантической группы требует разносторонних сведений из этнографии, лингвистики, археологии и др. Наибольшую ценность имеют факты, извлечённые из истории отдельных слов, и анализ истории целостных лексико-семантических групп. Именно история лексико-семантических групп даёт возможность воссоздать эволюцию народного знания в той или иной области материальной или духовной культуры с древнейших времён до наших дней. В процессе реконструкции народного мышления

⁵ Schamardin V. Millised on haiguste rahvaparased nimetused? // Küsimused ja vastused. 1970. № 2. S. 36–38.

⁶ Forsius A. Kuvauksia lääketieteen historiasta [Электронный ресурс] Электрон. ст. Режим доступа к ст.: <http://www.saunalahti.fi/arnoldus/haklaa.html>

особое значение приобретают данные этимологии и сравнительно-исторической лексикологии⁷.

Каждое семантическое поле (лексико-семантическая группа) характеризуется двумя показателями: присущими ему и воплощёнными в его лексике мотивационными моделями и теми мотивационными моделями, в которых составляющие его слова участвуют в качестве мотивирующих по отношению к лексике других семантических полей (или, что то же самое, набором и типом других полей, в которые входят слова, мотивированные словами данного поля)⁸.

В семасиологии различают три вида мотивированности слова: морфологическую, семантическую и фонетическую. О морфологической мотивированности слова говорят в тех случаях, когда существует определённая связь между значением данного слова и его морфологической структурой. Переход от одного наименования к другому осуществляется в этих случаях с помощью словообразовательных средств, напр. *gugie* 'кашлять' → *guytytys* 'кашель', *ummoittuo* 'крепить' → *ummotus* 'запор', *gairpata* 'схватить (о боли в пояснице)' → *gairpuandu* 'прострел', *mustu* 'чёрный' → *mustelmu* 'синяк', *kevät* 'весна' → *kevätti* 'веснушка'.

Под семантической мотивированностью подразумевают релевантную для данного среза языка обусловленность значения данного наименования значением имени другого предмета, т. е. наличие в слове образности, основанной на метафорических, метонимических и тому подобных явлениях. В данном случае переход от наименования одного предмета к наименованию другого предмета осуществляется с помощью семантической, а не морфологической деривации, напр. *jiä* 'лёд' → *jiä* 'бельмо', *kubu* 'зоб (у птицы)' → *kubu* 'зобная опухоль (увеличение щитовидной железы)', *raikka* / *raikku* 'нарост, кап на дереве' → *raikka* / *raikku* 'шишка'.

Между двумя названными видами мотивированности существует переходный тип – семантико-морфологическая мотивированность, когда в образовании наименования участвуют оба вида деривации – семантическая и морфологическая, напр. *kevät* 'весна' → *kevätti* 'веснушка', *kezä* 'лето' → *kezakko* 'веснушка'.

Под фонетической мотивированностью слова подразумевают наличие определённой связи между значением этого слова и его звучанием. В принципе звучание слова не имеет и не может иметь ничего общего

⁷ Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2001. С. 88.

⁸ Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3) С. 116.

с природой обозначаемого словом предмета или явления, так как в противном случае не было бы возможным ни существование различных языков, ни изменение звуковой стороны языка в процессе его развития. Говорящему, однако, присуще стремление обнаружить определённую корреляцию между звучанием слова, развивающимся в соответствии с фонетическими законами данного языка, и значением этого слова. В этом случае мы имеем дело с явлением, функционально сходным с так называемой «народной этимологией»: и там, и здесь говорящий стремится найти «какой-либо бросающийся в глаза признак предмета, чтобы сделать его представителем этого предмета»⁹ и тем самым хотя бы частично устранить произвольность связи между звучанием и значением слова, например *kõhkeh*, *kõhkutes* ‘кашель’, *n’uñu* ‘насморк’, *gipuli* ‘понос’, *ãñku* ‘колики, острая колющая боль (в животе, груди, боку), колотьё’.

Рассматривая названия болезней, важно определить принципы номинации. Предметом теории номинации как особой лингвистической дисциплины является изучение и описание общих закономерностей образования языковых единиц, взаимодействия мышления, языка и действительности в этих процессах, роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, и т. д. Существует два типа номинации – первичная и вторичная. Изначальные, или первичные, процессы номинации – крайне редкое явление в современных языках. Номинативный инвентарь языка пополняется в основном за счёт заимствований, или вторичной номинации. По типу средств номинации разграничиваются: словообразование как регулярный способ создания новых слов и значений, синтаксическая транспозиция, при которой морфологические средства указывают на смену синтаксической функции при сохранении лексического значения, семантическая транспозиция, которая не меняет материального облика переосмысляемой единицы и приводит к образованию многозначных слов

Наименование предмета совершенно немислимо без предварительного, хотя бы самого элементарного знания данного предмета. Познакомившись с новым предметом или явлением, человек подмечает из массы имеющихся у данного предмета признаков какой-нибудь один, кажущийся ему характерным, признак, уже имеющий в данном языке наименование, и использует его для наименования нового предмета¹⁰

⁹ Левидский В. В. Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л.: Наука, 1969. С. 21, 23.

¹⁰ Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 159

Признак, выбранный для наименования, далеко не исчерпывает всей сущности предмета, не раскрывает всех его признаков. Кроме того, выбранный для наименования признак может стать даже практически несущественным. Этим объясняется тот совершенно бесспорный факт, что так называемая внутренняя форма, или, точнее говоря, осознание основы наименования, очень часто утрачивается. Выясняется, таким образом, что язык стремится устранить опасность ложной характеристики значения слова, которая может возникнуть по той причине, что в основу наименования кладется название какого-либо одного признака, тогда как действительное значение основывается на сумме признаков. Этим можно объяснить тот бесспорный факт, что многие слова в различных языках мира не поддаются этимологизированию¹¹.

В основе образования народных названий болезней в карельских говорах лежат следующие признаки объекта номинации:

1) *боль в какой-либо части тела или органе*. Особенность номинации этой группы слов состоит в том, что все названия болезней указывают на большой орган или часть тела, напр. **kulkkutaudi** (ливв.) 'боль в горле' (kulkku 'горло'); **hambahankibu** (ск., ливв.) 'зубная боль' (hammas 'зуб');

2) *внешний признак*. При определённых заболеваниях у человека появляются явно выраженные симптомы или признаки (сыпь, приступы, нарывы, короста и др.), которые легли в основу номинации некоторых карельских названий болезней, напр. **veripahka** (ск.); **veripahku** (ливв.) 'гематома'. Внешним отличительным признаком гематомы считается то, что она имеет красно-синий оттенок и выпуклую форму, так как внутри её скапливается кровь. Возможно, исходя из этого признака, первым компонентом карельских наименований гематомы стало существительное *veri* 'кровь', а вторым – *pahka, pahku* 'опухоль';

3) *время появления*. Некоторые заболевания появляются (или обостряются) в определенное время года или суток. В карельском языке есть несколько лексем, в основу номинации которых лег именно этот признак, напр. **kezakko** (ливв.) (от сущ. *keza* 'лето'), **kevätti** (ск.) (от сущ. *kevät* 'весна' 'веснушка'). Вероятно, названия *kezakko* или *kevätti* стали использовать по той причине, что веснушки появляются поздней весной или ранним летом;

4) *звук*. Значительную роль в создании звуковых оболочек слов в различных языках мира играет звукоподражание. К этой группе слов относятся: а) названия болезней, образованные от дескриптивных глаголов, напр. **köhkytes** (ск.), **köhkeh** (ливв.) 'кашель' от глаг. **köhkeä**

¹¹ Там же. С. 172

(ск.), **kõhkiä** (ливв.) ‘[сухо] кашлять’; б) звукоподражательные названия болезней, которые не являются отглагольными существительными, напр. **ripuli** (ск.), **ribuli** (ливв.) ‘понос’. Надо отметить, что данные о происхождении всех лексем, представленных во второй подгруппе (неотглагольные звукоподражательные существительные), взяты нами из этимологических словарей финского языка. Вполне очевидно, значение, в котором эти лексемы используются сейчас, не указывает на то, что эти названия болезней являются дескриптивными. Скорее всего, раньше эти существительные использовались в другом значении (поэтому они отнесены к звукоподражательным), возможно, они были образованы от дескриптивных глаголов, но эти данные нам не удалось установить; в) названия болезней, образованные от звукоподражательных междометий, напр. **ähky** (ск., ливв.) ‘колики, острая колющая боль (в животе, груди, боку), колотье’;

5) *народные поверья*. Карелы издавна верили в различных персонажей, обитающих в определённом пространстве (бане, лесу, водоёме и т. д.) и имеющих функцию хозяина или защитника своей сферы обитания. Помимо этого, карелы персонифицировали отдельные атмосферные явления (ветер, мороз, холод), а также другие предметы и явления, с которыми они соприкасались (железо, камень, дерево, огонь и т. д.), так как, по представлению карел, за нарушение правил ритуального поведения в подвластном им пространстве или за плохое отношение к различным предметам хозяева, атмосферные явления или же сами предметы накажут человека (человек начинает болеть, недомогать, а иногда даже и умирает). Лечили эти заболевания в основном с помощью «источника болезни». Например, карелы верили, что если человек пройдёт мимо иконы и не перекрестится, то он заболеет **jumalantaudi** (ск., ливв.) — ‘болезнь, которая по поверью была послана человеку Богом’. Для избавления от этого недуга нужно Бога задобрить (поставить свечку и перекреститься);

б) *укус животного*. Издавна жизнь карельского народа связана с жизнью животных. В процессе контакта людей с животными возникали случаи, когда животные нападали на человека, в результате чего у человека могли появиться различные травмы, укусы, повреждения, напр. **mavonn’okkavo** (ск.), **mavonpuromu**, **mavonn’okkuamu**, **mavonrapemu** (ливв.) ‘укус змеи’.

Таким образом, наиболее продуктивными являются группы болезней, мотивировочными признаками которых являются боль в какой-либо части тела или органе (13 наименований) и народные поверья (15 наименований). Самые маленькие группы – укус животных и время появления – включают по три наименования. Большой интерес представляет собой группа болезней, в основе наименования которых лежат

народные поверья. Так, например, для древнейших и более поздних дохристианских мифологических представлений славян было характерно ощущение населенности всей окружающей природы духами, основными дифференциальными признаками которых были не столько различия функциональные (они нам относительно плохо известны), сколько различия по месту обитания¹². Дух-сила определённого места (напр., леса, воды, дома, хлева и др.), само место и человек связаны в единый комплекс. Когда место оказывается в сфере интересов человека, он должен вступить в диалог с хозяином места. Необходимо соблюдать правила поведения (этикет) и выполнять условия договора, поскольку его нарушение может привести к непредсказуемым последствиям. И, на первый взгляд, этимология названий заболеваний, отнесённых нами к данной подгруппе, не представляет никаких затруднений, если человек заболел *viennenä*, это значит, что у него болезнь от воды, если *mečänviha* – значит у него хворь от леса. Но нам бы хотелось обратить внимание на вторую часть в названиях этих заболеваний, а именно на слова *viha* и *nenä*. Лексема *viha* бытует во всех трёх наречиях карельского языка в значениях: 'злоба, ненависть, вражда, зло, раздражение, воспаление, заражение'. В словарях М. Агриколы и Э. Лённрота слово *viha* употребляется как синоним словосочетания «зменный яд». Скорее всего, в названиях болезней (как часть сложного слова или словосочетания) лексема *viha* используется в значении 'зло' (напр., *kuupenviha* – букв. 'зло ногтя', *kylmänviha* – букв. 'зло от холода', *moan viha* – букв. 'зло земли'), так как, по представлению карел, хозяева (атмосферные явления и др.) наказывают человека (букв. 'насылают зло, недуг на человека') за нарушение правил ритуального поведения в подвластном им пространстве и человек начинает болеть, недомогать, а иногда даже и умирает. В славянской мифологии *злыдни* (от сущ. 'зло') – это персонализация злой доли, бедности, болезней. Слово *nenä* в диалектах карельского языка и в финском языке имеет одинаковый перевод – 'нос'. Как объяснил один из информантов, во время вышеуказанных заболеваний человеку было тяжело дышать, потому что эти болезни проникали к людям именно через нос, по воздуху, когда человек дышал. Другие информанты утверждают, что составляющей частью этих наименований является лексема *nenä*, так как нос всегда «находится впереди человека», и поэтому именно через нос все болезни проникают в организм человека. Нос – часть лица, которая в традиционной культуре выступает важным каналом связи с внешним миром и напрямую со-

¹² Толстой Н. И. Откуда дьяволы разные // Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 391.

относится с материально-телесным низом. Как и через другие отверстия человеческого тела, через нос внутрь тела может проникать нечистая сила и её агенты

Вторая глава «Способы словообразования народных названий болезней в карельском языке».

Словообразование представляет собой такой процесс развития лексики, при котором новые слова образуются от уже существующих в данном языке слов посредством изменения их состава. Словарный фонд любого живого языка находится в состоянии постоянного изменения: из него исчезают слова, устаревшие по своему значению, но на их месте появляются новые. Они возникают как путём заимствования из других языков, так и на базе существующего в языке словарного материала на основе определённых способов и средств образования.

Что касается вопросов именного словообразования в карельском языке, то эта проблема остаётся до сих пор малоизученной. В первых грамматиках карельского языка А. Генетца выделены основные суффиксы имени и глагола¹³.

В «Грамматике карельского языка» Д. В. Бубриха в разделе «Морфология» рассматриваются вопросы словообразования (способы суффиксация и словосложение)¹⁴. Автор указывает на то, что в карельском языке суффиксация развита очень широко, а словосложение исключительно именное.

В монографии В. Д. Рягоева словообразование выделено в самостоятельную главу¹⁵. Автор выделяет три типа словообразования в тихвинском наречии карельского языка: морфологический, лексико-семантический и морфолого-синтаксический.

«Грамматика карельского языка», написанная П. М. Зайковым, содержит специальный раздел, в котором кратко представлены все типы словообразования в карельском языке¹⁶.

«Грамматика карельского языка», написанная на материале ливвиковского наречия, содержит как теоретический (включая все типы словообразования), так и практический материал¹⁷.

¹³ Genetz A Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä Kielemnäyhteita, sanakirja ja kieloppi Suomi II. 14. Helsinki: SKS, 1880 247 s.; Tutkimus Aunuksen kielestä. Kielemnäyhteita, sanakirja ja kieloppi. Suomi II: 17. Helsinki: SKS, 1885. 195 s.

¹⁴ Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (фонетика, морфология). Петрозаводск, 1937 79 с.

¹⁵ Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.

¹⁶ Зайков П. М. Грамматика карельского языка. фонетика и морфология Петрозаводск: Периодика, 1999 120 с

Вторая глава состоит из **четырёх разделов**.

Первый раздел «**Морфологический способ. Суффиксальное словообразование**», включающий названия болезней, образованные суффиксальным способом, состоит из двух подразделов.

Морфологический способ словообразования в карельском языке является весьма продуктивным и древним способом словообразования новых слов. Новые существительные (так же, как и прилагательные, глаголы, наречия) в карельском языке активно образуются с помощью суффиксов, которые присоединяются к производящей основе.

Девербальные (отглагольные) суффиксы

Большинство суффиксальных названий болезней карельского языка являются отглагольными (девербальными) названиями. В целом названия болезней в карельском языке представлены простыми суффиксами: **-e** (raise, raize (ск.), raize, raize (ливв., люд.) ‘нарыв, фурункул’ – от глаг. raisuo, raisota ‘покрываться нарывами, фурункулами’); **-nta, -ntä, -ndu, -ndy** (ryvintä (ск.), ryvindy, rygindy (ливв.) ‘кашель’ – от глаг. rykie (ск.), rygie (ливв.) ‘кашлять’); **-in** (kazvain (ск., ливв., люд.) ‘бородавка’ – от глаг. kazvua ‘расти, вырасти’); **-o (-vo, -vö)** (raipravo (ливв.) ‘радикулит’ – от глаг. raipata ‘схватить (о боли в пояснице)’); **-u, -y** (syyhy (ск.) ‘чесотка’ – от глаг. syyhyö ‘чесаться’) и сложными или вообще вторичного образования отглагольными суффиксами: **-es, -ez** (ajoites (ливв.) ‘нарыв’ – от глаг. ajoittua ‘нарывать’); **-os, -ös** (ajos (ск., ливв.) ‘нарыв’ – от глаг. ajuu ‘нарывать’), **-us, -ys, -vus, -vys** (häkytys (ск., ливв.) ‘грыжа’ – от глаг. häkyttiä ‘надувать грыжу’; ozavus (ливв.) ‘прострел, радикулит’ – от глаг. ozata ‘заболеть, получить прострел’); **-min(e)** (rykimini (ск.), rygimine (ливв., люд.) ‘кашель’ – от глаг. rykie (ск.), rygie (ливв.) ‘кашлять’); **-jaine, -jäine, -jaini, -jäini** (kasvajaini (ск.), kazvajaine (ливв.) ‘бородавка’ – от глаг. kazvua ‘расти, вырасти’); **-mus, -mys, -muz, -myz** (palamus (ливв.) ‘ожог’ – от глаг. palua ‘обжечься’). Девять наименований образованы с помощью двух суффиксов **-nta, -ntä, -ndu, -ndy + -hini, -hine** (palantahin¹ (ск.), palandahine (ск., ливв.) ‘ожог’ – от глаг. palua ‘обжечься’). Наиболее продуктивными в словообразовании карельских названий болезней являются отглагольные суффиксы: **-us, -ys, -vus, -vys** (22 лексем), **-es, -ez** (10 наименований) и **-nta, -ntä, -ndu, -ndy** (6 лексем). Все представленные в данном подразделе карельские народные названия болезней образованы с помощью суффиксов со значением названия или результата действия.

¹⁷ Маркианова Л. Ф. Грамматика карельского языка (Ливвиковское наречие) Петрозаводск: Периодика, 2002. 296 с.

Деноминальные (отыменные) суффиксы

Среди деноминальных суффиксов наиболее распространенными в карельских народных названиях болезней являются суффиксы **-čča, -ččä, -čču, -čči**, при помощи которых образуются имена существительные от прилагательных по их качественному признаку (например, по схожести цвета). Они используются при образовании, например, таких лексем, как *guskidča* (ск.) ‘краснуха, корь’ – от прил. *guskie* ‘красный’, *keldačču* (ливв.) ‘желтуха’ – от прил. *keldaine* ‘желтый’.

К менее продуктивным суффиксам названий болезней с дополнительным признаком деминутивности относятся **-kka, -kkä, -kku, -kky** (*n’arykkä* (ск.), *n’arykku* (ливв.) ‘прыщ’ – от сущ. *n’ärru* ‘прыщ’; *godimčikka* (ск.) ‘родимец’ – от сущ. *godimču* ‘родимчик’).

В нескольких народных названиях болезней выступают суффиксы **-ta, -tä, -tu, -tu**, близкие по значению с предыдущими: *muššelmä* (ск.) ‘синяк’ – от прил. *musta* ‘черный, темный’, *sinizemu* (ливв.) ‘синяк’ (от прил. *sinine* ‘синий’).

С помощью суффиксов собирательного значения **-kko, -ti** образованы лексемы *kezakko* (ливв.) ‘веснушка’ – от сущ. *kezä* ‘лето’, *kevätti* (ск.) ‘веснушка’ – от сущ. *kevät* ‘весна’.

Во втором разделе «Синтаксико-морфологический способ. Словосложение» рассмотрены названия болезней, образованные способом словосложения и состоящие из двух компонентов. В карельском языке словосложение является активным способом образования новых слов. Здесь необходимо отметить, что большинство из представленных в данном подразделе наименований имеют в словарях и текстах как слитное, так и раздельное написание. Это связано с проблемой разграничения сложных слов от словосочетаний, а также с неустановившейся традицией написания. Так, например, лексемы *vačankipu, hambahankivistys, hambahankipu* могут писаться как слитно так и раздельно: *vačan kibu, hambahan kivistys, hambahan kipu*. В большинстве сложных названий болезней определительный компонент стоит в форме номинатива или генитива. Все представленные в этой подглаве наименования состоят из двух компонентов и представляют собой следующие структурные модели: 1) существительное (в номинативе или генитиве) + существительное (*paska|taudi* (ск.), *pasku|taudi* (ливв.), *pask|taud’* (люд.) ‘понос’; *hengen|poltanda, гун’d’ähin|poltanda* (ск.) ‘изжога’; *suonen|vedo* (ск.) ‘судороги’); 2) прилагательное (в номинативе ед. ч.) + существительное (*raha|liha* (ск., ливв.) ‘опухоль’; *suuri|rubi* (ск., ливв.), *suur|rubi* (ск., ливв.), *šuuri|rubi* (ск.), *suri|rubi* (люд.) ‘оспа’).

В раздел «Семантический путь развития лексики» включены карельские названия болезней, в которых произошли семантические из-

менения. Изменения значений слов в рассматриваемой нами лексико-семантической группе представлены:

1) метафорой.

koiranvanhus (ск., ливв.) ‘рахит, болезненная худощавость’ (букв. koiranvanhus – собачья старость, старость собаки). Во время этого заболевания ребёнок сильно худел, а во всех его членах появлялась мелкая дрожь. Симптомы рахита напоминали больную собаку в старости, и поэтому это заболевание стали называть koiranvanhus. Для сравнения хотелось бы отметить, что у русских названием «собачья старость», или «собачья немочь», обозначали не рахит, как у карел и вепсов, а сильное изнурение у детей, при котором лицо принимало старческий вид¹⁸;

koirann’än’n’i (ск., ливв., люд.) ‘ячмень’ (букв. koirann’än’n’i – собачий сосок). Карелы использовали название koirann’än’n’i, потому что ячмень на глазу по внешнему виду напоминал собачий сосок. У русских (в Смоленской и Саратовской губерниях) существовало заболевание сучье вымя, или сучьи сиськи. Таким названием русские называли множественные чирьи в подмышковой ямке¹⁹;

2) расширением значения слова:

harjaš (ск., люд.) ‘щетинка’. Необходимо отметить, что в балтийских языках слово **harjas** имеет значение ‘свиная щетина’ не в смысле ‘болезнь’, а как ‘покрытие кожи свиньи’. Очевидно, эту лексему стали использовать для обозначения болезни ‘щетинка’ в связи с тем, что у некоторых поворождённых при рождении были острые белые волоски, которые кололись, и ребёнок из-за этого беспокойно спал, а волоски напоминали по цвету и жёсткости свиную щетину. Помимо того, среди карел существовали поверья, подтверждающие веру людей в то, что эти волоски действительно похожи на свиную щетину. Карелы-людики верили, что если беременная женщина пнёт любое животное с шерстью (кошку, собаку, корову, лошадь и т. д.), то ее ребёнок родится с волосами («щетинкой») на животе²⁰. Также они говорили, что щетинка появлялась у ребёнка в том случае, если его мать беременной мочилась в то место, где спит свинья²¹;

märkä (ск.), **märgy** (ливв., люд.) ‘нагноение, гной’. Основное значение слов **markä**, **margy** ‘сырой, мокрый’. Märkä – балтийское заимство-

¹⁸ Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды. М.: Эксмо, 2003. С. 397.

¹⁹ Там же. С. 398.

²⁰ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki. SUST 130, 1963. С. 287.

²¹ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, VI. Helsinki. SUST 218, 1994. С. 153.

вание, ср.: латв. *mēgka* ‘промокший насквозь предмет, сырость, влажность’²². Когда у человека рана гноится, то она становится мокрой, начинаются выделения, скорее всего, по этой причине, лексемы *maika*, *maigu* стали использоваться и во втором значении ‘гной, нагноение’;

3) переносом значения по сходству:

rokko (люд.) ‘оспа (или божий струп)’ (от сущ. *rokka* ‘горох, гороховый суп’ + суф. *o*). Это произошло по причине того, что симптомом заболевания оспа являются мелкие прыщи на теле больного, напоминающие зёрна гороха²³.

Однако встречаются и такие лексемы, которые в карельском языке (равно как и в финском) утратили исходное значение и с течением времени приобрели новое, но их новое значение развивалось в определённой, в некоторых случаях прозрачной взаимосвязи с первичным значением, напр. **rakko** (ск., ливв.), **rak** (люд.) ‘мозоль, волдырь’. Лексема *rakko* заимствована из прашведского языка от слова **braker* ‘слабый, хрупкий’²⁴. Возможно, в карельском языке лексема *rakko* стала использоваться в двух вышеуказанных значениях, так как мозоль (водянистая) и волдырь при незначительном прикосновении легко лопались.

В четвёртом разделе «Займствований» представлены названия болезней, заимствованные из других языков. В данной лексико-семантической группе можно выделить следующие пласты лексических заимствований: германские (**kalvo** (ск., ливв.) ‘белёмо’ < **kalbon>kalban* ‘оболочка, плёнка, пенка’²⁵; **rupi, rubi** (ск.), **rubi** (ливв., люд.) ‘оспа (или божий струп)’ < *-*χrufōn- / -*χrubnō / χrufiz* (ср.: др. норв. *hrufa* ‘оспа’, совр. норв. *huv, hiva, hve* ‘оспа’²⁶); шведские (**tyrä** ‘грыжа’ (ск., ливв., люд.) ‘грыжа’ < **tyge* ‘грыжа’²⁷) и славянские (**kila, kilo** (ск., ливв.) ‘грыжа’ < **кила* (ср.: *кила* (сс.), *кыла* (сл.), *kila, kilav* (б.) ‘грыжа, опухоль’²⁸; **nikoites** (ск., ливв.), **nikoitus** (ливв., люд.) ‘икота’ – эти лексемы стали использовать под влиянием русского языка ‘икать, икота’)²⁹. Конечно, самое большое количество слов (31 лексема из 39) относится

²² Suomen kielen etymologinen sanakirja, II: 1980, 360.

²³ Suomen kielen etymologinen sanakirja, III. 1962, 828

²⁴ Suomen sanojen alkuperä, III: 2000, 43

²⁵ Suomen sanojen alkuperä, I: 1992, 292.

²⁶ Suomen sanojen alkuperä, III. 2000, 109.

²⁷ Ibid P. 348.

²⁸ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка М: ГИС, 1958. С. 345

²⁹ Suomen sanojen alkuperä, II: 1995, 220.

к славянским заимствованиям. Это связано с длительным контактированием карельского этноса с русским. Часть из этих наименований используется в языке одновременно с исконно карельскими вариантами слов, что говорит о том, что эти лексемы относятся к поздним славянским заимствованиям (hullavus – paraličču; häkytys – kila, kñisi; pakundu, pahatauti – paduučai; yonitkettajä – počnica; bul'ku – puzuri; muahine – ekzemena). Некоторые лексемы, обозначающие одно и то же заболевание, были заимствованы в разное время из разных языков, напр. rubi (герм.) – ospi, Ospitta Ivaanouvna (рус.); kaihte, kalvo (герм.) – balmu (рус.); tyrå (швед.) – kila, kñisi (рус.).

В **Заключении** сформулированы основные выводы исследования. Анализ народных названий болезней в карельском языке позволяет сделать следующие выводы.

В основе карельских наименований болезней лежат следующие признаки номинации: боль в какой-либо части тела или органе (13 лексем), внешний признак (11 лексем), время появления (3 лексемы), звук (10 лексем), народные поверья (15 лексем), укус животного (3 лексемы).

К словообразовательным моделям относятся следующие способы: суффиксальное словообразование (63 наименования), способ словосложения (14 наименований), семантический путь развития лексики (30 наименований) и заимствования (39 наименований).

Исследуя карельские народные названия болезней, мы не могли оставить без внимания тот факт, что первая часть трёх наименований **koiranviha** ‘воспалившаяся рана после укуса собаки’, **koirann’äp’n’i** ‘ячмень’, **koiranvahnus** ‘рахит’ представлена лексемой **koiran** ‘собачий, собачья’. С чем это связано? Почитание животных, суеверный страх перед некоторыми из них, вера в различные сверхъестественные свойства отдельных представителей природного мира являются универсальной и наиболее архаичной частью традиционного мировоззрения. В мифологии каждого народа имеются галереи наиболее ярких образов диких и домашних животных. Что касается домашних животных, то, как представляется на первый взгляд, все они должны были бы иметь положительную мифологическую характеристику вследствие своей полезности. Однако это не всегда так. Например, по некоторым вепским верованиям, собака – нечистое, поганое существо. Некоторые из болезней собака могла наслать в отместку за нарушение существующих по отношению к ней запретов. Так, собаку нельзя было дразнить, чтобы не приобрести ячмень. Беременной женщине запрещалось пинать собаку, иначе животное принесет болезнь будущему ребенку. Народные представления о собаке как источнике болезней предполагали и ее связь с «иным» миром – местом их нахождения. В основе лечения полученных от этого животного болезней лежал принцип передачи их

из мира людей в «иной» мир, которую осуществляла собака своеобразным способом: поеданием пищи, имеющей соприкосновение с большим местом.

Этимологический анализ исследуемой лексики показал, что большинство названий болезней в карельском языке имеют общие прибалтийско-финские корни. Значительное количество названий болезней пришли из русского языка и являются хронологически поздними. К германским заимствованиям относится всего семь наименований.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах.

1) Этимология названий некоторых детских заболеваний в карельском языке // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2006. С. 257–260.

2) Название болезни ‘оспа’ в карельском языке // Вестник Поморского университета. 2007. № 8. С. 117–120.

3) Народные поверья как признак номинации некоторых названий болезней // Бубриховские чтения: проблемы функционирования и контактирования языков и культур прибалтийско-финских народов: Сб. науч. ст. / Под. ред. Т. И. Старшовой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 188–199.

4) Некоторые вопросы номинации названий болезней в карельском языке (на основе названий птиц и животных) // Бубриховские чтения: проблемы функционирования и контактирования языков и культур прибалтийско-финских народов: Сб. науч. ст. / Под. ред. Т. И. Старшовой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 200–204.

Подписано в печать 11 09 08. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать ротационная
Уч -изд л. 1. Тираж 100 экз. Изд. № 204

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г Петрозаводск, пр Ленина, 33